

ПОЛИТИЯ

А.О.Земцов

«СИЛЬНАЯ РУКА»: АВТОРИТАРНОСТЬ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЯН¹

¹ Работа подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Автор признателен Владимиру Магуну, Андрею Мельвилю, Маргарите Фабрикант, Ольге Малиновой, Кириллу Рогову за советы и замечания, а также «Левада-Центру» и лично Наталии Зоркой, Льву Гудкову, Екатерине Кочергиной — за предоставленные данные.

Артем Олегович Земцов — аспирант департамента политики и управления факультета социальных наук, стажер-исследователь Лаборатории сравнительных исследований массового сознания Экспертного института Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Для связи с автором: artyom.zemtsov@gmail.com.

Аннотация. В статье представлены результаты количественного исследования авторитарности в политической культуре современных россиян через такую ее характеристику, как ориентация на «сильную руку». Опираясь на данные массовых опросов «Левада-Центра» по репрезентативной всероссийской выборке, автор сопоставляет различные индикаторы ориентации на «сильную руку», рассматривает их динамику на протяжении последних трех десятилетий и с помощью регрессионного анализа выявляет влияние на эту ориентацию социально-демографических факторов, определяя «социальную базу» авторитарности в постсоветской России.

Проведенное автором исследование подтверждает высокую востребованность «сильной руки» (авторитаризма) в современной России. Вместе с тем оно показывает, что как только россиянам предлагается альтернатива подобной модели управления в виде системы разделения властей, особенно очищенной от российской специфики, популярность «сильной руки» заметно снижается.

По оценке автора, природа тяги современных россиян к «сильной руке» имеет разные основания. Это и культурная инерция, и традиционная сакральность образа сильного лидера, и прагматичная, целенаправленная стратегия адаптации к существующему политическому порядку, и сознательная эксплуатация соответствующей мифологемы политическим режимом — своего рода имитационный традиционализм государства, для которого «сильная рука» является важным символическим ресурсом. Немалую роль играют и институциональные характеристики сложившегося в стране режима (монополизация государством многих сфер общественной жизни, слабое разделение властей, неразвитость институтов и практик гражданского контроля и др.). В свою очередь, авторитарные ориентации косвенно поддерживают его существование. Авторитарность в политической культуре современных россиян гармонирует с институциональной структурой авторитарного режима.

Ключевые слова: «сильная рука», авторитарность, политические ориентации, политическая культура, политическое сознание, общественное мнение

Введение

Политический режим, сложившийся в современной России, принято квалифицировать как авторитарный. Обсуждению российского «режимного» авторитаризма посвящено немало работ, так что о нем мы уже довольно много знаем. Но как именно устроен авторитаризм (авторитарность) на социально-психологическом уровне, в политической культуре и массовом сознании россиян?

² См., напр. Рогов 2016; Мельвил 2017. Отметим, что сопоставимые «консервативные откаты» характерны и для западных либеральных демократий (см. Foa and Mounk 2017).

В социальных и гуманитарных науках ведутся дискуссии о российском неоконсервативном повороте², возрождении традиционалистской политической культуры, регенерации «советского человека», доминировании недемократических ценностей и т.д. И хотя соответствующие феномены имеют разные основания, все они подразумевают нечто общее — авторитарные ориентации (нормативные взгляды) в массовом сознании.

Одним из важнейших компонентов авторитарности на уровне сознания считается ориентация на «сильную руку». Термин «сильная рука» широко используется и зарубежными исследователями, в том числе применительно к западным реалиям, однако в российском контексте он особенно важен, поскольку обозначаемое им явление имеет в России богатую историческую и культурную традицию. Ориентация на «сильную руку» обычно ассоциируется с авторитарной моделью управления и неприятием либеральной демократии.

Авторитарность массового сознания россиян практически не подвергается сомнению. Однако такое заключение если и опирается на анализ эмпирических данных (что бывает далеко не всегда), то, как правило, сугубо описательный. Строгий анализ и социологическое наблюдение часто подменяются морально-этическими суждениями, идеологическими декларациями и историософскими размышлениями об органическом консерватизме россиян.

В настоящей статье предпринята попытка количественного исследования авторитарности в политической культуре современных россиян через такую ее характеристику, как ориентация на «сильную руку». Для решения этой задачи мы сопоставим различные индикаторы ориентации на «сильную руку», рассмотрим их динамику на протяжении последних трех десятилетий, а также изучим влияние на эту ориентацию социально-демографических факторов с помощью регрессионного анализа.

Авторитарность как объект изучения

Следуя подходу Габриэля Алмонда и Сиднея Вербы, политическую культуру можно определить как систему ценностей, верований, установок, ориентаций, аттитюдов, идеологем и традиций в сфере

³ *Almond and Verba 1963: 562.*

политического³. В этой работе делается упор именно на изучение ориентаций, которые можно отнести к сфере «микрoполитики». Политическая культура обеспечивает связь между этой сферой и «макрополитикой» (институты, практики и т.д.), выступая «мостиком» между поведением общества и политическим режимом, косвенным отражением особенностей политической системы и непрямым политическим фоном, фактором (но не причиной) политического действия. Каждая политика обладает собственной политической культурой, согласующейся с ее структурой⁴.

⁴ *Ibid.: 574.*

В настоящем исследовании под авторитарностью понимается констелляция определенных нормативных взглядов — ориентация на авторитет, фигуру вышестоящего, неприятие Другого (национальных, сексуальных и иных меньшинств), патернализм, культ силы, иерархичность, конформность, ригидность. Существует целая исследовательская традиция, концептуально связывающая все эти характеристики, которые могут образовывать устойчивый социально-психологический комплекс⁵.

⁵ *См., напр. Altemeyer 2006.*

⁶ *Bahry 1999.*

⁷ *Greene and Robertson 2017.*

⁸ *Урнов 2010; Рогов 2015.*

Из зарубежных исследователей авторитарности в российских реалиях можно выделить Донну Бахри⁶, Самуэля Грина и Грэма Робертсона⁷, изучающих ее в контексте нормативных взглядов, особенностей политической культуры и социальной базы. В отечественной политической науке сопоставимых с западными работ такого плана крайне мало, но все-таки они имеются⁸. В них делается акцент на «особости» российской политической культуры, причинах неудачи демократического транзита, взаимовлиянии авторитарного режима и политической культуры. Отдельного упоминания заслуживают исследования феномена «советского человека», начало которым положила коллективная монография «Советский простой человек» под редакцией Юрия Левады⁹. На основе количественного анализа социально-антропологических характеристик россиян ее авторы обнаружили в политической культуре раннего постсоветского общества ряд постоянно воспроизводящихся ориентаций из советского прошлого, причем большинство из них включали в себя элементы авторитарности (патернализм, неприятие Другого, ориентация на авторитет и т.д.). По заключению социологов «Левада-Центра», в политической культуре россиян и сегодня преобладают авторитарные компоненты.

⁹ *Левада (ред.) 1993.*

Ориентация на «сильную руку»

Нормативные взгляды, предполагающие необходимость «сильной руки», в известном смысле могут рассматриваться как «дистиллированное», магистральное качество, пронизывающее авторитарность. Эти взгляды вбирают в себя отношение к авторитету, господству и подчинению, доминированию и контролю, делегированию ответственности вышестоящему, иерархичности, культу силы¹⁰.

¹⁰ *Rigby and Rump 1982.*

¹¹ *Muller 2016; Norris and Inglehart 2018.*

На Западе исследования взглядов этого типа получили особое распространение в последние несколько лет, что, безусловно, связано с взлетом авторитарного популизма¹¹. Эмпирическим материалом для

них служат данные опросов общественного мнения, при анализе используется описательная статистика, реже — более сложные статистические методы. Стоит отметить, что в американской академической литературе термин «сильная рука» (strong hand) является конвенциональным и употребляется без кавычек¹². Наряду с ним, широко используются и его аналоги, которых насчитывается более десятка. Наиболее популярные из них: «strong leader», «strongman leader», «strongman», «strong leadership», «strongman rule».

¹² Brown 2015.

В исследованиях «сильной руки» можно выделить несколько направлений.

1. Исследования авторитарного популизма и проавторитарных политических процессов. В рамках этого направления ориентация на «сильную руку» рассматривается, с одной стороны, как отражение институционального дизайна (концентрации власти в руках одного лидера), с другой — как социально-психологическая характеристика индивидов, симпатизирующих авторитарному популизму¹³. Главный вывод работ этого плана заключается в том, что кризис институтов либеральной демократии, экономическая незащищенность людей, ощущение неравенства способны порождать авторитарный популизм, повышая востребованность «сильной руки», с которой связывается решение накопившихся проблем.

¹³ Lühiste 2008; Miller 2017.

2. Исследования ориентации на «сильную руку» как индикатора социально-психологической авторитарности — готовности подчиняться авторитету. Продолжая давнюю традицию изучения «авторитарной личности», представители этого направления акцентируют связь подобных нормативных взглядов с другими характеристиками авторитарности, исследуют их социально-демографические предикторы¹⁴.

¹⁴ MacWilliams 2016; Womick et al. 2018.

3. Исследования ориентации на «сильную руку» как индикатора приверженности недемократическим режимам. В центре исследований этого типа находятся электоральные предпочтения и политическое поведение. Как правило, они носят прикладной характер (аналитические отчеты), хотя проводятся не только опросными центрами, но и академическими организациями¹⁵.

¹⁵ Wike et al. (eds.) 2017; McAllister, Makkai, and Sheppard (eds.) 2018; Drutman, Diamond, and Goldman (eds.) 2018.

4. Исследования ориентации на «сильную руку» как компонента традиционных ценностей¹⁶, одной из составляющих авторитарной реакции на рост постматериалистических, демократических ценностей. Для этого направления характерен упор на культурные факторы, которые трактуются как триггер политических и иных изменений.

¹⁶ Welzel and Alexander 2017; Norris and Inglehart 2018.

При всех различиях между указанными направлениями ни в одном из них нет, однако, работ, где бы сопоставлялись разные формулировки запроса на «сильную руку». Практически отсутствуют сравнительные исследования, в большинстве случаев используется только описательная статистика.

Суммируя результаты зарубежных (прежде всего американских) исследований, можно отметить следующие закономерности. Повышенную склонность к авторитарности демонстрируют национальные

меньшинства, представители рабочего класса, высоко религиозные индивиды, люди, неудовлетворенные функционированием существующих демократических институтов или отвергающие демократию в принципе, приверженцы традиционных ценностей (по Рональду Инглхарту), люди с антимигрантскими настроениями, исламофобией. В целом мужчины несколько авторитарнее женщин. Чем выше возраст, ниже уровень образования, средний доход и численность населенного пункта, тем выше авторитарность. Влияние всех этих факторов, как правило, носит линейный характер, то есть речь идет о постепенном возрастании/понижении авторитарных ориентаций при сравнении соседних групп респондентов.

В исследованиях рассмотренных направлений даются разные объяснения существующих зависимостей, но общая идея состоит в том, что чем большим объемом ресурсов (материальных, символических и т.д.) располагает индивид, тем в среднем ниже уровень его авторитарности и слабее ориентация на «сильную руку». Соответственно, у такого индивида сильнее выражены эмансипативные ориентации, установки на участие и автономию, критическое отношение к происходящему в сфере политического. Он более склонен разделять ценности демократии, видя в последней гарантии сохранения своей автономии, и привык рассчитывать скорее на себя, нежели на «сильную руку» и опекающее государство, потенциально угрожающие его независимости.

Применительно к России ориентация на «сильную руку» рассматривается, с одной стороны, как фундаментальная характеристика политической культуры, с другой — как социально-психологическая производная от авторитарного режима¹⁷. Эмпирическими исследованиями авторитарности в массовом сознании россиян занимаются социологи «Левада-Центра», чьи работы методологически сопоставимы с зарубежными аналогами¹⁸.

Кирилл Рогов исследует ориентацию на «сильную руку» в контексте развития авторитарного режима в России. Трактую подобную ориентацию как индикатор спроса на авторитарную, «централизаторскую» модель управления, «прочно ассоциированную с фигурой Путина»¹⁹, он вместе с тем обращает внимание на то, что соответствующий нормативный взгляд (как и его противоположность) является важным элементом повестки различных протопартийных групп²⁰. В свою очередь, Генри Хейл квалифицирует российскую политическую систему как патрональную, для функционирования которой характерна персонификация, укорененная в институтах²¹ и опосредованно влияющая на политическую культуру, порождая предрасположенность к ориентации на «сильную руку».

В некоторых работах приводятся и эмпирические данные, свидетельствующие о влиянии на такого рода ориентацию россиян отдельных социально-демографических факторов.

По заключению Джакомо Чиоззы и Драгомира Стоянова, в своем исследовании мифа о сильном лидере («сильной руке») в современном

¹⁷ Hale 2009; Worth 2009.

¹⁸ Левада 1998; Дубин 2006; Гудков 2009.

¹⁹ Рогов 2015.

²⁰ Рогов 2016.

²¹ Hale 2017.

российском массовом сознании использовавших такие статистические методы, как дерево решений и регрессионный анализ, чем ниже уровень образования, выше возраст, а также склонность к национализму и шовинизму и антиамериканизм, тем, как правило, отчетливее выражена ориентация на «сильную руку»²². Опираясь на данные массовых опросов «Левада-Центра» и глубинные интервью, Наталья Мамонова, со своей стороны, приходит к выводу, что ориентация на «сильную руку» (прежде всего в лице Владимира Путина) особенно присуща сельским жителям, которые и являются референтной группой для нынешнего политического режима в России²³.

²² Chiozza and Stoyanov 2017.

²³ Mamonova 2019.

Отталкиваясь от результатов предшествующих исследований, можно сформулировать следующие гипотезы.

Н1. По всем индикаторам ориентации на «сильную руку» авторитарные нормативные взгляды устойчиво пользуются большей поддержкой россиян, нежели неавторитарные.

Н2. При эксплицитном предъявлении индивидам альтернатив «сильной руке» ориентация на нее уменьшается.

Н3. На ориентацию на «сильную руку» влияют пол, возраст, уровень образования, численность населенного пункта и субъективная оценка собственного дохода. Мужчины в среднем авторитарнее женщин. Чем выше возраст, ниже уровень образования, численность населенного пункта и субъективная оценка собственного дохода, тем более выражена ориентация на «сильную руку».

Н4. Влияние социально-демографических характеристик на персонифицированные и обобщенные (без фиксации конкретного лидера) нормативные взгляды в отношении «сильной руки» неодинаково.

Данные и методология

Исследование строилось на данных массовых опросов «Курьер», проводимых «Левада-Центром» по репрезентативной всероссийской выборке с помощью метода личного интервью (число респондентов варьирует от 791 до 3000 человек, в большинстве опросов — 1600). Всего использован 31 массив данных, собранных с 2004 по 2018 г. При обращении к тенденциям более раннего периода задействовались общие процентные распределения из левадовских сборников «Общественное мнение»²⁴.

²⁴ <https://www.levada.ru/sbornik-obshchestvennoe-mnenie/>.

²⁵ Поскольку соответствующие вопросы, как правило, задавались в рамках разных опросов, анализ внутренней связанности показателей (построение индексов, факторный анализ и т.д.), к сожалению, оказался невозможен.

Для описательного анализа данных использовались таблицы сопряженности, анализ средних, однофакторный дисперсионный анализ (Analysis of Variance — ANOVA); для выявления причинно-следственных зависимостей — порядковый регрессионный анализ (Ordinal Regression).

В качестве зависимых переменных выступали ответы на пять вопросов, характеризующих нормативные взгляды людей на роль «сильной руки»²⁵. В расчетах все варианты ответов были прошкалированы по возрастанию авторитарности, вариант «затрудняюсь ответить» рассматривался как промежуточная позиция.

«Сильная рука 1»: Бывают ли, по Вашему мнению, такие ситуации в жизни страны, когда народу нужен сильный и властный руководитель, «сильная рука»?

²⁶ Здесь и далее в скобках приведено присвоенное в результате шкалирования значение.

- Нашему народу постоянно нужна «сильная рука» (3)²⁶
- Бывают такие ситуации — например, сейчас (2)
- Ни в коем случае нельзя допускать, чтобы вся власть находилась в одних руках (0)
- Затрудняюсь ответить (1)

«Сильная рука 2»: Как Вы считаете, то, что в руках Владимира Путина сосредоточена сейчас практически вся власть в стране, пойдет на благо России?

- Пойдет на благо России (2)
- Не сулит России ничего хорошего (0)
- Затрудняюсь ответить (1)

«Сильная рука 3»: Как Вы думаете, что в большей мере отвечало бы сейчас интересам России?

- Концентрация власти в руках одного сильного лидера (2)
- Разделение власти между Президентом России, Государственной Думой и судебными властями (0)
- Затрудняюсь ответить (1)

«Сильная рука 4»: Вы считаете, что было бы лучше...

- Чтобы вся власть в стране была сосредоточена в одних руках
- Чтобы власть была распределена между разными структурами, контролирующими друг друга
- Затрудняюсь ответить (1)

«Сильная рука 5»: Вы согласны с суждением: «Если сильный политический лидер может решить экономические и социальные проблемы, стоящие перед страной, можно пойти на ограничение некоторых политических свобод»?

²⁷ К данной категории были отнесены и респонденты с незаконченным высшим образованием (не менее 3-х курсов вуза).

- Совершенно согласен (4)
- Скорее согласен (3)
- Скорее не согласен (1)
- Совершенно не согласен (0)
- Затрудняюсь ответить (2).

²⁸ Фиксировался с помощью ответов на вопрос: «К какой из следующих групп населения Вы бы скорее могли себя отнести?» (см. Потребительский статус 2016).

Независимыми переменными выступали пять социально-демографических характеристик: пол — 1 (мужской), 2 (женский); возраст — 1 (18—24 года), 2 (25—39 лет), 3 (40—55 лет), 4 (55 лет и старше); образование — 1 (ниже среднего), 2 (среднее), 3 (среднее специальное), 4 (высшее²⁷); размер (тип) населенного пункта — 1 (Москва), 2 (город с населением более 500 тыс.), 3 (город с населением от 100 до 500 тыс.), 4 (город с населением менее 100 тыс.), 5 (сельская местность); субъективный доход²⁸ — 1 (не хватает на еду), 2 (хватает на еду), 3 (хватает на еду и одежду), 4 (хватает на некоторые дорогие вещи²⁹), 5 (хватает на большее). Все независимые переменные были перекодированы в dummy variables.

²⁹ Градация используется применительно к данным, полученным начиная с 2012 г.

Описательный анализ

Ответы на вопрос «Сильная рука 1» позволяют разделить респондентов на четыре группы: жесткие сторонники «сильной руки» (вариант 1), мягкие сторонники «сильной руки» (вариант 2), жесткие противники «сильной руки» (вариант 3) и неопределившиеся (затруднившиеся с ответом).

К сожалению, в наборе предлагавшихся респондентам вариантов ответа не сбалансированы позиции pro и contra: на два варианта в пользу «сильной руки» приходится только один против³⁰. Чтобы сгладить этот дисбаланс, при сопоставлении противников и сторонников «сильной руки» мы учитывали только *радикальную* часть последних. В 1989 г. их было в 1,8 раза меньше, чем противников (25% против 44%), однако уже к 1994 г. ситуация кардинальным образом изменилась: доля жестких сторонников «сильной руки» выросла до 35%, а противников сократилась до 23%. Можно предположить, что рост популярности авторитарных ориентаций происходил на протяжении всех лет, разделявших опросы 1989 и 1994 гг. Это были кризисные годы, и запрос на сильного лидера, скорее всего, стал реакцией на те трудности, с которыми столкнулись россияне при переходе от советской к постсоветской действительности и которые воспринимались ими в том числе и как следствие демократизации.

Начиная с 1994 г. доля радикальных приверженцев «сильной руки» неизменно превосходила долю ее противников. Во всех проанализированных нами массивах данных перевес статистически значим и очень существен: в среднем 40% жестко ориентированных на «сильную руку» против 20% отвергающих ее, причем в декабре 2018 г. доля первых превысила долю вторых в три раза (см. *табл. 1*). Другими словами, обобщенный показатель ориентации на «сильную руку» устойчиво сохранял высокие значения, несмотря на все изменения политических, экономических и иных условий.

Интерес представляет и соотношение жесткой и мягкой поддержки «сильной руки». В большинстве замеров значимо преобладает именно жесткая поддержка, то есть респонденты чаще полагают, что «сильная рука» нужна постоянно, а не только в каких-то особых ситуациях. В конце 2018 г. перевес носителей подобных взглядов над признающими лишь ситуативную необходимость «сильной руки» достиг рекордной величины (в 2,6 раза), а сама обобщенная ориентация на «сильную руку» достигла максимума за весь период наблюдений.

Вопрос «Сильная рука 1» был сформулирован в самом общем виде — нужна ли «сильная рука», или ее существование недопустимо? Все остальные вопросы содержат те или иные уточнения. Показатель «Сильная рука 2» предполагает персонафицированное измерение этой ориентации за счет включения в вопрос фигуры нынешнего президента России. Этот показатель фиксировался в меньшем числе опросов, чем показатель «Сильная рука 1», но во всех этих опросах высказывания в пользу персонафицированной версии авторитаризма звучали чаще (почти всегдакратно чаще), нежели против (см. *табл. 2*). Высоки и абсолютные показатели поддержки: о том, что сосредоточение власти в руках Путина «пойдет на благо России», неизменно говорило более половины респондентов — от 51 до 73%.

³⁰ Мы благодарны Григорию Юдину, замечания которого по поводу недобного дефекта в используемых социологами анкетах побудили нас обратить внимание на эту проблему.

Таблица 1 «Сильная рука 1»

Бывают ли, по Вашему мнению, такие ситуации в жизни страны, когда народу нужен сильный и властный руководитель, «сильная рука»?

	2006 III	2007 III	2008 VII	2009 X	2010 VII	2011 IX	2012 III	2013 III	2014 III	2015 XI	2016 XI	2017 VIII	2018 XII
Нашему народу постоянно нужна «сильная рука»	42	46	43	40	43	40	35	42	32	31	38	40	57
Бывают такие ситуации — например, сейчас	31	30	29	32	34	30	38	32	46	41	35	40	22
Ни в коем случае нельзя допускать, чтобы вся власть находилась в одних руках	19	17	18	24	19	21	22	19	16	19	21	16	19
Затрудняюсь ответить	8	7	10	5	4	9	5	8	8	9	6	5	3
N	1633	1596	1500	1601	802	798	807	791	791	1603	1602	1612	1628

Таблица 2 «Сильная рука 2»

Как Вы считаете, то, что в руках Владимира Путина сосредоточена сейчас практически вся власть в стране, пойдет на благо России?

	2004 IX	2005 XII	2006 IX	2007 X	2009 VII	2010 VII	2012 III	2013 III	2014 III	2015 III
Пойдет на благо России	58	62	67	66	65	52	55	51	66	73
Не сулит России ничего хорошего	23	24	19	20	14	22	24	31	18	12
Затрудняюсь ответить	19	15	14	14	21	26	21	19	17	16
N	1651	1602	1632	1600	1600	802	826	810	812	802

Вопрос «Сильная рука 3» тоже конкретизирует обобщенный вопрос «Сильная рука 1» — в данном случае за счет предложения респонденту альтернативного варианта в виде российской системы разделения власти между президентом, Государственной Думой и судебными органами. В нашем распоряжении имеются всего два замера, но в обоих из них авторитарная модель опять-таки набирает значительно больше голосов, нежели модель разделения властей (см. табл. 3).

Таблица 3 «Сильная рука 3»

Как Вы думаете, что в большей мере отвечало бы сейчас интересам России?

	2016 V	2017 VIII
Концентрация власти в руках одного сильного лидера	53	46
Разделение власти между Президентом России, Государственной Думой и судебными властями	33	41
Затрудняюсь ответить	14	13
N	1602	1602

Вопрос «Сильная рука 4» снова строится через противопоставление «сильной руке» институциональной системы, основанной на разделении властей. Однако на этот раз вместо конкретных российских институтов в качестве альтернативы единовластия выступают «структуры, контролирующие друг друга», лишённые привязки к современной России. Это даёт значимый эффект: в трёх из пяти опросов, где использовалась эта формулировка, неавторитарная ориентация оказывается более выраженной, чем авторитарная (см. табл. 4). Важно также отметить, что при данной постановке вопроса доли придерживающихся неавторитарных взглядов превышают доли таковых при использовании двух других вопросов с аналогичным числом вариантов ответа («Сильная рука 2» и «Сильная рука 3»).

Наконец, в вопросе «Сильная рука 5» конкретизация обобщенной ориентации на «сильную руку» происходит путем указания на «цену» подобной модели правления. Этой «ценой» является «ограничение некоторых политических свобод». Выясняется, что большинство респондентов считает такую плату за решение сильным лидером «экономических и социальных проблем» вполне допустимой (см. табл. 5), то есть поддерживает авторитарную модель.

Таким образом, большинство способов измерения нормативных взглядов людей в отношении «сильной руки» дают результаты, свидетельствующие о доминировании среди россиян ориентации на

Таблица 4 «Сильная рука 4»

Вы считаете, что было бы лучше...

	2010 III	2012 I	2013 III	2014 III	2015 III
Чтобы вся власть в стране была сосредоточена в одних руках	45	38	39	40	49
Чтобы власть была распределена между разными структурами, контролирующими друг друга	42	47	47	45	37
Затрудняюсь ответить	13	15	15	15	14
N	801	799	791	791	797

Таблица 5 «Сильная рука 5»

Вы согласны с суждением: «Если сильный политический лидер может решить экономические и социальные проблемы, стоящие перед страной, можно пойти на ограничение некоторых политических свобод?»

	2015 I	2016 V
Совершенно согласен	12	12
Скорее согласен	46	37
Скорее не согласен	22	24
Совершенно не согласен	6	10
Затрудняюсь ответить	16	16
N	1600	1602

авторитарное правление. Вместе с тем при предложении им альтернативного варианта в виде очищенной от российской специфики системы разделения властей неавторитарные ориентации могут брать верх над авторитарными.

**Анализ
регрессионных
моделей**

Для определения влияния социально-демографических характеристик на показатели авторитарности использовались порядковые регрессионные модели. Применительно к показателям «Сильная рука 1» и «Сильная рука 2», многократно измерявшимся на протяжении 14 лет, можно построить 22 регрессионные модели, что позволяет делать выводы об устойчивых регрессионных эффектах³¹. Модели, построенные для показателей «Сильная рука 3», «Сильная рука 4» и «Сильная рука 5», немногочисленны, и на их основе нельзя

³¹ В качестве устойчивых квалифицировались эффекты, присутствующие хотя бы в половине замеров.

проследить устойчивые регрессионные эффекты; поэтому они здесь не приводятся.

На показатель «Сильная рука 1» (см. *табл. 6.1* и *6.2*) пол респондента и уровень его образования (в последнем случае за исключением замера 2017 г.) не влияют. Возраст оказывает значимое влияние более чем в половине массивов (7 из 12): более молодые респонденты настроены менее авторитарно, нежели преодолевшие рубеж в 55 лет.

Значимое влияние размера (типа) населенного пункта прослеживается в 10 из 12 замеров. Наименьшую склонность к авторитарности выказывают москвичи. Жители населенных пунктов всех остальных типов превосходят их в этом отношении, но, как правило, значимо не различаются между собой.

Субъективный доход демонстрирует значимые эффекты в половине замеров. Авторитарные ориентации сильнее выражены среди менее обеспеченных групп населения. Однако в большинстве случаев значимо отличается от контрольной (наиболее состоятельной) группы только одна из сопоставляемых с ней градаций.

При переходе от обобщенного измерения «сильной руки» к персонифицированному сила и направление влияния социально-демографических характеристик претерпевают некоторые изменения (см. *табл. 7.1* и *7.2*).

Наиболее резко меняется влияние пола. При персонификации «сильной руки» через фигуру Путина женщины в большей степени идеализируют ее, нежели мужчины (7 замеров из 10). Влияние возраста, в свою очередь, наблюдается значительно реже, чем при ответах на обобщенный вопрос (3 замера из 10), причем в двух замерах (2007 и 2010 гг.) более молодые респонденты обнаруживают бóльшую, а не меньшую склонность к авторитарной позиции.

Уровень образования влияет на персонифицированное измерение «сильной руки» в трех замерах из 10: менее образованные — более авторитарны. Размер (тип) населенного пункта оказывается значимым в большинстве замеров (7 из 10). Направление влияния остается прежним. Вместе с тем при персонификации вопроса большей по сравнению с москвичами авторитарностью отличаются жители только некоторых, а не всех типов поселений (как это было в отношении «Сильной руки 1»).

Субъективный доход сказывается на поддержке персонифицированной «сильной руки» в четырех замерах из 10. Однако если на обобщенном уровне подобная ориентация была шире распространена среди менее обеспеченных респондентов, то на персонифицированном — среди относительно благополучных. Начиная с 2010 г. фактор становится незначимым.

Отметим, что результаты регрессионных моделей для трех других показателей «сильной руки» («Сильная рука 3», «Сильная рука 4», «Сильная рука 5»), как правило, демонстрируют те же значимые эффекты, что и в случае «Сильной руки 1».

Таблица 6.1 Коэффициенты порядковых регрессий. «Сильная рука 1»

Независимые переменные	Зависимые переменные											
	CPI (2006) III		CPI (2007) III		CPI (2009) X		CPI (2010) VII		CPI (2011) IX		CPI (2012) III	
	E	Sig	E	Sig	E	Sig	E	Sig	E	Sig	E	Sig
Мужской	0,118	0,206	-0,149	0,122	0,049	0,600	-0,122	0,366	-0,051	0,708	-0,012	0,927
Пол (Constant: Женский)												
18—24 года	-0,483	0,002**	-0,348	0,029*	-0,237	0,125	0,033	0,881	-0,234	0,273	-0,265	0,222
25—39 лет	-0,467	0,000***	-0,110	0,421	-0,062	0,633	0,022	0,906	-0,234	0,045*	0,041	0,814
40—54 года	-0,294	0,022*	-0,219	0,097	-0,057	0,647	-0,149	0,408	-0,096	0,592	-0,252	0,153
Возраст (Constant: 55 лет и старше)												
Ниже среднего	0,208	0,060	0,196	0,218	0,209	0,179	0,300	0,173	0,274	0,200	0,251	0,255
Среднее	0,258	0,061	-0,144	0,302	0,113	0,409	0,112	0,556	-0,055	0,775	0,231	0,213
Среднее специальное	0,169	0,202	0,104	0,449	0,104	0,433	0,341	0,075	0,061	0,745	0,008	0,961
Образование (Constant: Высшее)												
Сельская местность	0,329	0,066	0,758	0,000***	-0,065	0,749	1,491	0,000***	1,288	0,000***	0,877	0,001***
Менее 100 тыс.	0,087	0,631	0,564	0,005**	0,103	0,606	1,280	0,000***	1,172	0,000***	0,674	0,014*
От 100 до 500 тыс.	0,018	0,921	0,314	0,127	0,118	0,564	1,283	0,000***	1,154	0,000***	0,685	0,013*
Более 500 тыс.	0,341	0,060	0,474	0,018*	-0,130	0,515	1,501	0,000***	0,884	0,002**	0,555	0,038*
Размер населенного пункта (Constant: Москва)												
Не хватает на еду	0,522	0,011**	0,504	0,016*	0,564	0,008**	0,033	0,911	0,042	0,903	0,044	0,926
Хватает на еду	0,145	0,348	0,163	0,299	0,735	0,000***	-0,374	0,115	-0,040	0,863	0,039	0,927
Хватает на еду и одежду	0,096	0,485	-0,131	0,344	0,154	0,312	0,360	0,083	-0,147	0,445	-0,218	0,584
Хватает на неогорые дорогие вещи											-0,151	0,711
Псевдо R-квадрат	0,040		0,043		0,039		0,055		0,051		0,034	
Нэйджелкерка	1633		1593		1566		800		795		805	

* $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$

Таблица 6.2 Коэффициенты порядковых регрессий. «Сильная рука 1»

Независимые переменные	Зависимые переменные											
	CPI (2013) III		CPI (2014) III		CPI (2015) XI		CPI (2016) XI		CPI (2017) VII		CPI (2018) XII	
	E	Sig	E	Sig	E	Sig	E	Sig	E	Sig	E	Sig
Мужской	-0,033	0,810	0,026	0,850	-0,002	0,984	-0,160	0,155	0,046	0,628	0,078	0,432
	Пол (Constant: Женский)											
18—24 года	-0,460	0,029*	-0,172	0,437	3,077	0,005**	0,689	0,000***	-0,504	0,004**	-0,671	0,000***
25—39 лет	-0,332	0,072	-0,136	0,453	-0,416	0,001***	0,130	0,377	-0,248	0,042*	0,096	0,443
40—54 года	-0,423	0,021*	-0,115	0,524	-0,349	0,005**	0,275	0,063	-0,159	0,203	-0,057	0,655
	Возраст (Constant: 55 лет и старше)											
Ниже среднего	0,227	0,338	-0,177	0,462	0,302	0,080	-0,030	0,882	0,155	0,357	0,442	0,098
Среднее	-0,058	0,744	-0,181	0,330	0,170	0,196	-0,183	0,252	0,325	0,018*	0,339	0,014*
Среднее специальное	0,270	0,128	-0,207	0,234	0,145	0,229	-0,076	0,588	0,247	0,038*	0,177	0,139
	Образование (Constant: Высшее)											
Сельская местность	1,069	0,000***	1,032	0,000***	0,649	0,001***	-0,901	0,001***	0,750	0,000***	0,278	0,143
Менее 100 тыс.	0,989	0,000***	0,807	0,003**	0,343	0,068	-0,868	0,001***	0,882	0,000***	0,490	0,011*
От 100 до 500 тыс.	0,748	0,008**	1,228	0,000***	0,310	0,108	-0,959	0,000***	0,657	0,001***	0,451	0,020*
Более 500 тыс.	1,160	0,000***	1,045	0,000***	0,522	0,105	-1,196	0,000***	0,957	0,000***	0,464	0,014*
	Размер населенного пункта (Constant: Москва)											
Не хватает на еду	-0,869	0,109	1,311	0,028*	-0,578	0,185	1,009	0,033*	0,387	0,280	-0,280	0,359
Хватает на еду	-0,671	0,113	0,991	0,005**	0,077	0,834	-0,307	0,429	0,169	0,534	-0,189	0,447
Хватает на еду и одежду	-0,905	0,018*	0,717	0,015*	-0,056	0,872	-0,301	0,415	0,068	0,786	-0,233	0,306
Хватает на некоторые дорогие вещи	-1,234	0,002**	0,515	0,087	0,264	0,460	-0,161	0,671	-0,002	0,995	-0,162	0,501
Псевдо R-квадрат	0,071		0,050		0,037		0,051		0,041		0,024	
Н	785		791		1601		1264		1609		1628	

* $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$

Таблица 7.1 Коэффициенты порядковых регрессий. «Сильная рука 2»

Независимые переменные	Зависимые переменные													
	CP2 (2004) XI		CP2 (2005) XII		CP2 (2006) IX		CP2 (2007) X		CP2 (2009) VII					
	E	Sig	E	Sig	E	Sig	E	Sig	E	Sig	E	Sig	E	Sig
Мужской	0,084	0,398	0,307	0,003**	0,360	0,001***	0,337	0,002**	0,225	0,032*				
Пол (Constant: Женский)														
Возраст (Constant: 55 лет и старше)														
18—24 года	0,186	0,299	0,089	0,614	0,314	0,080	0,847	0,000***	0,301	0,088				
25—39 лет	-0,056	0,682	0,035	0,809	0,287	0,059	0,822	0,000***	0,097	0,503				
40—54 года	-0,267	0,051*	0,038	0,788	0,059	0,692	0,294	0,036*	0,116	0,403				
Образование (Constant: Высшее)														
Ниже среднего	0,179	0,272	-0,008	0,747	0,028	0,867	0,149	0,381	0,179	0,295				
Среднее	0,278	0,073	-0,033	0,832	0,100	0,519	0,315	0,048*	0,387	0,012**				
Среднее специальное	0,073	0,627	0,010	0,945	0,067	0,661	0,308	0,053*	0,188	0,198				
Размер населенного пункта (Constant: Москва)														
Сельская местность	0,466	0,011**	0,142	0,501	0,518	0,012**	0,315	0,155	0,485	0,024*				
Менее 100 тыс.	0,703	0,000***	-0,093	0,664	0,146	0,464	0,167	0,443	0,357	0,091				
От 100 до 500 тыс.	0,523	0,006**	0,066	0,763	0,251	0,226	0,210	0,349	0,520	0,018**				
Более 500 тыс.	0,358	0,056	0,230	0,284	0,302	0,139	0,717	0,002**	0,353	0,096				
Субъективный доход (Constant: Хватает на большее)														
Не хватает на еду	-0,604	0,004**	-0,290	0,165	-0,348	0,128	-1,062	0,000***	-0,537	0,016*				
Хватает на еду	-0,145	0,416	-0,127	0,435	-0,369	0,046*	-0,219	0,239	-0,329	0,074				
Хватает на еду и одежде	-0,142	0,397	-0,035	0,817	-0,162	0,329	-0,375	0,026*	-0,470	0,004**				
Хватает на неогорые дорогие вещи														
Псевдо R-квадрат	0,027		0,012		0,023		0,084		0,021					
Нэйджелкерка	1649		1597		1621		1599		1599					

*p<0,05, **p<0,01, ***p<0,001

Таблица 7.2 Коэффициенты порядковых регрессий. «Сильная рука 2»

Независимые переменные	Зависимые переменные											
	CP2 (2010) VII		CP2 (2012) III		CP2 (2013) III		CP2 (2014) III		CP1 (2015) III		E	Sig
	E	Sig	E	Sig	E	Sig	E	Sig	E	Sig		
Мужской	0,337	0,015**	0,384	0,006**	0,265	0,055	0,004	0,926	0,668	0,000***		
Пол (Constant: Женский)												
Возраст (Constant: 55 лет и старше)												
18—24 года	0,499	0,029*	0,135	0,583	0,273	0,257	-0,089	0,712	0,179	0,530		
25—39 лет	0,374	0,050*	-0,184	0,322	0,086	0,638	-0,049	0,805	0,125	0,572		
40—54 года	-0,072	0,651	-0,205	0,269	-0,074	0,680	-0,057	0,771	-0,218	0,301		
Образование (Constant: Вышее)												
Ниже среднего	0,289	0,201	-0,135	0,571	-0,154	0,497	0,099	0,702	0,591	0,053*		
Среднее	0,133	0,499	-0,041	0,821	-0,043	0,821	0,190	0,345	0,274	0,216		
Среднее специальное	0,012	0,951	0,078	0,661	-0,220	0,221	0,212	0,277	0,323	0,115		
Размер населенного пункта (Constant: Москва)												
Сельская местность	0,332	0,253	1,078	0,000***	0,662	0,019*	0,498	0,091	0,575	0,059		
Менее 100 тыс.	0,300	0,290	1,029	0,000***	0,452	0,107	0,332	0,252	0,689	0,023*		
От 100 до 500 тыс.	0,176	0,547	1,105	0,000***	0,313	0,270	0,358	0,225	0,736	0,022*		
Более 500 тыс.	0,136	0,634	1,112	0,000***	0,537	0,048*	0,527	0,067	0,610	0,040*		
Субъективный доход (Constant: Хватает на большее)												
Не хватает на еду	0,116	0,703	0,091	0,851	-0,842	0,113	-0,475	0,381	-0,468	0,488		
Хватает на еду	-0,119	0,622	-0,061	0,888	-0,692	0,097	0,098	0,801	0,535	0,295		
Хватает на еду и одежде	-0,067	0,752	0,002	0,996	-0,242	0,525	0,297	0,390	0,750	0,099		
Хватает на некоторые дорогие вещи			0,119	0,775	-0,201	0,612	0,408	0,254	0,576	0,210		
Псевдо R-квадрат	0,029		0,044		0,031		0,015		0,050			
Нэйджелкерка	800		820		809		811		801			

* $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$

Выводы

Первая гипотеза исследования в основном подтвердилась: в ответах на четыре из пяти предложенных вопросов россияне устойчиво отдают предпочтение «сильной руке» (и авторитарному режиму, который она олицетворяет).

В то же время было бы неверно говорить о преобладании авторитарных ориентаций среди россиян как о некоей константе. На рубеже 1980—1990-х годов граждане России массово поддерживали демократические преобразования, и противников «сильной руки» в стране было почти в два раза больше, нежели сторонников. Нельзя ни заметить и резкого повышения числа последних в 2018 г., при том что текущая ситуация не способствует поиску альтернативных моделей политического управления. Представляется, что взлет симпатий к «сильной руке» стал своеобразным ответом на кризисную ситуацию, следствием общей неудовлетворенности положением дел в стране. Кризисные явления не связываются людьми с неэффективностью сложившейся авторитарной системы управления. Напротив, им кажется, что кризис вызван тем, что управляющая рука не до такой степени сильна, как того требуют обстоятельства.

Подтвердилась и вторая гипотеза: при эксплицитном предъявлении респондентам альтернативной «сильной руке» модели, базирующейся на разделении властей, перевес симпатий в пользу авторитарного варианта правления уменьшается или даже уступает место перевесу продемократических ориентаций.

Что касается третьей гипотезы, то она подтвердилась лишь частично. На поддержку «сильной руки» значимо влияют пол, возраст, размер (тип) населенного пункта и субъективная оценка дохода, но не образование. Вместе с тем, в полном соответствии с четвертой гипотезой, эффекты социально-демографических характеристик в случае обобщенной (обезличенной) и персонифицированной ориентации на «сильную руку» неодинаковы. Единственное исключение — размер (тип) населенного пункта (а именно проживание в Москве / вне Москвы), сходным образом влияющий на обе ориентации.

На каждую из двух ориентаций влияют по три социально-демографических фактора. На обобщенную — размер (тип) населенного пункта, субъективный доход и возраст, на персонифицированную — размер (тип) населенного пункта, субъективный доход и пол респондента. То есть, если обобщенная поддержка людьми «сильной руки» характерна для мужчин и женщин в равной степени, то Путина в роли конкретного сильного лидера больше поддерживают женщины. И наоборот, если обобщенная ориентация на «сильную руку» чаще встречается у старшего поколения, то персонифицированная в равной мере присуща представителям разных возрастов. Еще одно отличие связано с направлением влияния субъективной оценки дохода: для обеих ориентаций этот фактор является значимым, но обобщенная поддержка «сильной руки» четче выражена у менее обеспеченных россиян, а концентрацию власти в руках Путина одобряют относительно благополучные.

Выявленные в ходе нашего исследования закономерности, касающиеся обобщенной ориентации на «сильную руку», отчасти совпадают с теми, что фиксируются на американском материале. В обоих случаях пол не оказывает значимого влияния на склонность к идеализации «сильной руки», совпадает и направление влияния на нее возраста, размера населенного пункта и субъективного дохода. В то же время, если американские исследования указывают на линейный, градуальный характер влияния последних трех переменных, то в России подобной непрерывности обычно не наблюдается. Нельзя, однако, исключить, что указанное различие может быть следствием разницы в методологии (американские исследования в основном базируются на описательном анализе) и при должном контроле релевантных переменных просто исчезнет.

Еще одно различие касается эффекта образования: в американских выборках более образованные, как правило, меньше ориентированы на «сильную руку». Незначимость данного показателя в российских условиях, возможно, связана с расхождениями в содержании образования по параметру «авторитаризм-демократия» у разных поколений россиян. В США и других западных странах содержание образования в этом смысле более однородно и носит по преимуществу продемократический характер³².

Итак, проведенное исследование еще раз подтвердило высокую востребованность «сильной руки» (авторитаризма) в России. Но в чем кроются возможные причины такой востребованности?

Можно предположить, что здесь сказывается огромная, почти монополярная роль государства во многих сферах, слабое разделение властей, неразвитость институтов и практик гражданского контроля, усиливающиеся авторитарные тенденции. В свою очередь авторитарные ориентации россиян косвенно поддерживают существование авторитарного режима. Перефразируя Стейна Роккана и Ангуса Кэмпбелла³³, можно сказать, что авторитарность в политической культуре россиян гармонирует с институциональной структурой авторитарного режима.

Природа тяги к «сильной руке» современных россиян имеет разные основания. Это и культурная инерция, и традиционная сакральность образа сильного лидера, и прагматичная, целенаправленная стратегия адаптации к существующему политическому порядку, и сознательная эксплуатация соответствующей мифологемы политическим режимом для поддержания status quo — своего рода имитационный традиционализм государства, для которого «сильная рука» является важным символическим ресурсом.

Однако, несмотря на действительно высокую популярность этой мифологемы, как только современным россиянам предлагаются альтернативы «сильной руке», востребованность последней заметно снижается.

³² О сходных по смыслу различиях в отношении к семье и гендеру в России и во Франции см. Магун 2009.

³³ Rokkan and Campbell 1960.

Библиография

- Гудков Л.Д. (2009) «Природа „путинизма“» // *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*, № 3: 6—21.
- Дубин Б.В. (2006) «Симулятивная власть и церемониальная политика. О политической культуре современной России» // *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссия*, № 1: 14—25.
- Левада Ю.А. (1998) «Феномен власти в общественном мнении: парадоксы и стереотипы восприятия» // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, № 5: 9—15.
- Левада Ю.А., ред. (1993) *Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х*. М.: Мировой океан.
- Магун В.С. (2009) «Нормативные взгляды на семью у россиян и французов: традиционное и современное» // Малева Т. и О.Синявская, ред. *Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Вып. 2*. М.: Независимый институт социальной политики: 139—162. URL: <https://publications.hse.ru/chapters/93693317> (проверено 20.04.2019).
- Мельвиль А.Ю. (2017) «Неоконсервативный консенсус в России? (Основные компоненты, факторы устойчивости, потенциал эрозии)» // *Полития*, № 1: 29—45.
- «Потребительский статус». (2016) // *Левада-Центр*, 13.01. URL: <http://www.levada.ru/2016/01/13/potrebitelskij-status/> (проверено 11.01.2019).
- Рогов К.Ю. (2015) «„Крымский синдром“: механизмы авторитарной мобилизации» // *Контрапункт*, № 1: 1—18.
- Рогов К.Ю. (2016) «Политическая реакция в России и „партийные группы“ в российском обществе» // *Контрапункт*, № 6: 1—21.
- Урнов М.Ю. (2010) «Ниспровергнуть авторитарное большинство: непростая задача» // Иноземцев В.Л., ред. *Демократизация и модернизация: К дискуссии о вызовах XXI века*. М.: Европа: 73—88.
- Almond G. and S.Verba. (1963) *The Civic Culture: Political Attitudes in Five Western Democracies*. Thousand Oaks: SAGE.
- Altemeyer B. (2006) *The Authoritarians*. Winnipeg: University of Manitoba.
- Bahry D. (1999) «Comrades into Citizens? Russian Political Culture and Public Support for the Transition» // *Slavic Review*, vol. 58, no. 4: 841—853.
- Brown A. (2015) «Questioning the Mythology of the Strong Leader» // *Leadership*, vol. 11, no. 3: 374—383.
- Chiozza G. and D.Stoyanov. (2017) «The Myth of the Strong Leader in Russian Public Opinion» // *Problems of Post-Communism*, vol. 65, no. 6: 419—433.
- Drutman L., L.Diamond, and J.Goldman, eds. (2009) *Follow the Leader. Exploring American Support for Democracy and Authoritarianism*. Washington: The Democracy Fund Voter Study Group.
- Foa R. and Y.Mounk. (2017) «The Signs of Deconsolidation» // *Journal of Democracy*, vol. 28, no. 1: 5—16.
- Greene S. and G.Robertson. (2017) «Agreeable Authoritarians. Personality and Politics in Contemporary Russia» // *Comparative Political Studies*, vol. 1, no. 1: 1—33.

Gundlach M., S.Zivnuska, and J.Stoner. (2006) «Understanding the Relationship between Individualism—Collectivism and Team Performance through an Integration of Social Identity Theory and the Social Relations Model» // *Human Relations*, vol. 59, no. 12: 1603—1632.

Hale H. (2017) «Russian Patronal Politics Beyond Putin» // *Daedalus*, vol. 146, no. 2: 30—40.

Hale H., eds. (2009) *The Myth of Mass Authoritarianism in Russia Public Opinion Foundation of a Hybrid Regime*. Washington: University of Washington.

Lühiste K. (2008) «Support for Strongman Rule in Ethnically Divided Societies: Evidence from Estonia and Latvia» // *Democratization*, vol. 15, no. 2: 297—320.

MacWilliams M. (2016) «Who Decides When the Party Doesn't? Authoritarian Voters and the Rise of Donald Trump» // *Politics*, vol. 49, no. 4: 716—721.

Mamonova N. (2019) «Understanding the Silent Majority in Authoritarian Populism: What Can We Learn from Popular Support for Putin in Rural Russia?» // *The Journal of Peasant Studies*, vol. 46, no. 3. URL: <https://doi.org/10.1080/03066150.2018.1561439> (accessed on 15.03.19).

McAllister I., T.Makkai, and J.Sheppard, eds. (2018) *Australian Values Study — 2018*. Melbourne: The Social Research Centre.

Miller S. (2017) «Economic Threats or Societal Turmoil? Understanding Preferences for Authoritarian Political Systems» // *Political Behavior*, vol. 39, no. 2: 457—478.

Muller J. (2016) *What is Populism?* Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

Norris P. and R.Inglehart. (2018) *Cultural Backlash: Trump, Brexit, and Authoritarian Populism*. New York: Cambridge University Press.

Rigby R. and E.Rump. (1982) «Attitudes toward Authority and Authoritarian Personality Characteristics» // *The Journal of Social Psychology*, vol. 116, no. 1: 61—72.

Rokkan S. and A.Campbell. (1960) «Norway and the United States of America» // *International Social Science Journal*, vol. 12, no. 1: 66—99.

Welzel C. and A.Alexander. (2017) «The Myth of De-Consolidation: Rising Liberalism and the Populist Reaction» // *EconPapers*, Oct. URL: <https://econpapers.repec.org/paper/zbwilewps/10.htm> (accessed on 12.02.2019).

Wike R., K.Simmons, B.Stokes, and R.Stewart, eds. (2017) *Globally, Broad Support for Representative and Direct Democracy*. Washington: Pew Research Center.

Womick J., T.Rothmund, F.Azevedo, L.King, and J.Jost. (2018) «Group-Based Dominance and Authoritarian Aggression Predict Support for Donald Trump in the 2016 U.S. Presidential Election» // *Social Psychological and Personality Science*, vol. 20, no. 10: 1—10.

Worth O. (2009) «Unravelling the Putin Myth: Strong or Weak Caesar?» // *Politics*, vol. 29, no. 1: 53—61.

A.O.Zemtsov
**“STRONG HAND”:
 AUTHORITARIANISM
 IN THE POLITICAL CULTURE
 OF MODERN RUSSIANS**

Artyom O. Zemtsov — Graduate Student at the Department of Politics and Governance, Faculty of Social Sciences, Intern Researcher at the Laboratory for Comparative Studies of Mass Consciousness of the Expert Institute of the National Research University *Higher School of Economics*.
 Email: artyom.zemtsov@gmail.com.

Abstract. The article presents the results of a quantitative study of authoritarianism in the political culture of modern Russians through its feature such as orientation to the “strong hand”. Based on the data of the Levada-Center mass surveys conducted on a representative all-Russian sample, the author compares various indicators of a “strong hand” orientation, examines their dynamics over the past three decades, and using regression analysis reveals the influence of socio-demographic factors on this orientation, determining the “social base” of authoritarianism in the post-Soviet Russia.

The author’s research confirms the high demand for a “strong hand” (authoritarianism) in the modern Russia. At the same time, it shows that as soon as the Russians are offered an alternative model of governance in the form of a system of separation of powers, especially one that is not of Russian specificity, the popularity of the “strong hand” noticeably decreases.

According to the author, there are different reasons why modern Russians crave for a “strong hand”. They include cultural inertia, the traditional sacredness of the image of a strong leader, a pragmatic, purposeful strategy to adapt to the existing political order, and the conscious exploitation of the corresponding mythologeme by the political regime — a kind of imitatory traditionalism of the state, for which the “strong hand” is an important symbolic resource. The institutional characteristics of the current regime in the country (state monopolization of many areas of public life, weak separation of powers, underdeveloped institutions and practices of civil control, etc.) also play an important role. In their turn, authoritarian orientations indirectly support its existence. Authoritarianism in the political culture of modern Russians is in harmony with the institutional structure of the authoritarian regime.

Keywords: “strong hand”, authoritarianism, political orientations, political culture, political consciousness, public opinion

References

- Almond G. and S.Verba. (1963) *The Civic Culture: Political Attitudes in Five Western Democracies*. Thousand Oaks: SAGE.
- Altemeyer B. (2006) *The Authoritarians*. Winnipeg: University of Manitoba.
- Bahry D. (1999) “Comrades into Citizens? Russian Political Culture and Public Support for the Transition” // *Slavic Review*, vol. 58, no. 4: 841–853.
- Brown A. (2015) “Questioning the Mythology of the Strong Leader” // *Leadership*, vol. 11, no. 3: 374–383.
- Chiozza G. and D.Stoyanov. (2017) “The Myth of the Strong Leader in Russian Public Opinion” // *Problems of Post-Communism*, vol. 65, no. 6: 419–433.
- Drutman L., L.Diamond, and J.Goldman, eds. (2009) *Follow the Leader. Exploring American Support for Democracy and Authoritarianism*. Washington: The Democracy Fund Voter Study Group.
- Dubin B.V. (2006) “Simuljativnaja vlast’ i tseremonial’naja politika. O politicheskoj kul’ture sovremennoj Rossii” [Simulative Power and Ceremonial Politics. On the Political Culture of Modern Russia] // *Vestnik obshchestvennogo mnenija. Dannye. Analiz. Diskussii* [Herald of Public Opinion. Data. Analysis. Discussions], no. 1: 14–25. (In Russ.)
- Foa R. and Y.Mounk. (2017) “The Signs of Deconsolidation” // *Journal of Democracy*, vol. 28, no. 1: 5–16.
- Greene S. and G.Robertson. (2017) “Agreeable Authoritarians. Personality and Politics in Contemporary Russia” // *Comparative Political Studies*, vol. 1, no. 1: 1–33.
- Gudkov L.D. (2009) “Priroda „putinizma“” [Nature of Putinism] // *Vestnik obshchestvennogo mnenija. Dannye. Analiz. Diskussii* [Herald of Public Opinion. Data. Analysis. Discussions], no. 3: 6–21. (In Russ.)
- Gundlach M., S.Zivnuska, and J.Stoner. (2006) “Understanding the Relationship between Individualism—Collectivism and Team Performance through an Integration of Social Identity Theory and the Social Relations Model” // *Human Relations*, vol. 59, no. 12: 1603–1632.
- Hale H. (2017) “Russian Patronal Politics Beyond Putin” // *Daedalus*, vol. 146, no. 2: 30–40.
- Hale H., eds. (2009) *The Myth of Mass Authoritarianism in Russia Public Opinion Foundation of a Hybrid Regime*. Washington: University of Washington.
- Levada Yu.A. (1998) “Fenomen vlasti v obshchestvennom mnenii: paradoksy i stereotypy vosprijatija» [The Phenomenon of Power in Public Opinion: the Paradoxes and Stereotypes of Perception] // *Monitoring obshchestvennogo mnenija: ekonomicheskie i sotsial’nye peremeny* [The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal], no. 5: 9–15. (In Russ.)
- Levada Yu.A., ed. (1993) *Sovetskij prostoj chelovek: opyt sotsial’nogo portreta na rubezhe 90-kh* [Soviet Ordinary Man: Social Portrait Experience at the Turn of the 90s]. Moscow: Mirovoj okean. (In Russ.)

Lühiste K. (2008) “Support for Strongman Rule in Ethnically Divided Societies: Evidence from Estonia and Latvia” // *Democratization*, vol. 15, no. 2: 297–320.

MacWilliams M. (2016) “Who Decides When the Party Doesn’t? Authoritarian Voters and the Rise of Donald Trump” // *Politics*, vol. 49, no. 4: 716–721.

Magun V.S. (2009) “Normativnye vzgljady na sem’ju u rossijan i frantsuzov: traditsionnoe i sovremennoe” [Normative Views on the Family of Russians and French: Traditional and Modern] // Maleva T. and O.Sinyavskaya, eds. *Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshchiny v sem’e i obshchestve* [Parents and Children, Men and Women in the Family and Society]. Issue 2. Moscow: Nezavisimyj institut sotsial’noj politiki: 139–162. (In Russ.)

Mamonova N. (2019) “Understanding the Silent Majority in Authoritarian Populism: What Can We Learn from Popular Support for Putin in Rural Russia?” // *The Journal of Peasant Studies*, vol. 46, no. 3. URL: <https://doi.org/10.1080/03066150.2018.1561439> (accessed on 15.03.19).

McAllister I., T.Makkai, and J.Sheppard, eds. (2018) *Australian Values Study — 2018*. Melbourne: The Social Research Centre.

Melville A.Yu. (2017) “Neokonservativnyj konsensus v Rossii? Osnovnye komponenty, faktory ustojchivosti, potentsial erozii” [Neoconservative Consensus in Russia? (Main Components, Factors of Stability, Potential for Erosion)] // *Po-liteia*, no. 1: 29–45. (In Russ.)

Miller S. (2017) “Economic Threats or Societal Turmoil? Understanding Preferences for Authoritarian Political Systems” // *Political Behavior*, vol. 39, no. 2: 457–478.

Muller J. (2016) *What is Populism?* Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

Norris P. and R.Inglehart. (2018) *Cultural Backlash: Trump, Brexit, and Authoritarian Populism*. New York: Cambridge University Press.

“Potrebitel’skij status” [Consumer Status]. (2016) // *Levada-Tsentr* (Levada-Center), 13.01. URL: <http://www.levada.ru/2016/01/13/potrebitelskij-status/> (accessed on 11.01.2017).

Rigby R. and E.Rump. (1982) “Attitudes toward Authority and Authoritarian Personality Characteristics” // *The Journal of Social Psychology*, vol. 116, no. 1: 61–72.

Rogov K.Yu. (2015) “„Krymskij sindrom“: mekhanizmy avtoritarnoj mobilizatsii” [“Crimean Syndrome”: Mechanisms of Authoritarian Mobilization] // *Kontrapunkt* [Counterpoint], no. 1: 1–18. (In Russ.)

Rogov K.Yu. (2016) “Politicheskaja reaktsija v Rossii i „partijnye grupy“ v rossijskom obshchestve” [Political Reaction in Russia and “Party Groups” in Russian Society] // *Kontrapunkt* [Counterpoint], no. 6: 1–21. (In Russ.)

Rokkan S. and A.Campbell. (1960) “Norway and the United States of America” // *International Social Science Journal*, vol. 12, no. 1: 66–99.

Urnov M.Yu. (2010) “Nisprovergnut’ avtoritarnoe bol’shinstvo: neprostaja zadacha” [Overturn an Authoritarian Majority: Quite a Task] // Inozemtsev V.L., ed. *Demokratizatsija i modernizatsija: K diskussii o vyzovakh XXI veka* [Democratization and Modernization: On the Discussion on the Challenges of the 21st Century]. Moscow: Evropa: 73–88. (In Russ.)

Welzel C. and A.Alexander. (2017) “The Myth of De-Consolidation: Rising Liberalism and the Populist Reaction” // *EconPapers*, Oct. URL: <https://econpapers.repec.org/paper/zbwilewps/10.htm> (accessed on 12.02.2019).

Wike R., K.Simmons, B.Stokes, and R.Stewart, eds. (2017) *Globally, Broad Support for Representative and Direct Democracy*. Washington: Pew Research Center.

Womick J., T.Rothmund, F.Azevedo, L.King, and J.Jost. (2018) “Group-Based Dominance and Authoritarian Aggression Predict Support for Donald Trump in the 2016 U.S. Presidential Election” // *Social Psychological and Personality Science*, vol. 20, no. 10: 1–10.

Worth O. (2009) “Unravelling the Putin Myth: Strong or Weak Caesar?” // *Politics*, vol. 29, no. 1: 53–61.